

УДК 130.2.316.723

Философско-методологические аспекты формирования гендерной культуры

Е. И. Янчук, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена рассмотрению философско-методологических аспектов формирования гендерной культуры, а также обсуждению статуса концепта «гендерная культура» в современном социально-гуманитарном знании.

Philosophical and Methodological Aspects of Gender Culture Formation

E. I. Yanchuk, PhD in Philosophy, Associated Professor

This article is devoted for philosophical and methodological aspects of gender culture formation. The concept “gender culture” and its position in contemporary social sciences and humanities are also discussed.

Человеческая культура разнообразна и многолика. Правовая, политическая, экономическая, эстетическая, религиозная и другие формы культуры, присущие как обществу в целом, так и индивиду, отражают различные аспекты жизненного мира человека. В культуре в целом и в различных ее формах и проявлениях закрепляются системы ценностей, стандарты поведения, а также установки, регулирующие разного рода практики. В своей совокупности они образуют своеобразную матрицу, в пределах которой осуществляется конструирование базовых принципов общежития, вырабатываются идеалы и нормы, конвенции, ориентиры и инструменты социализации и самоидентификации.

Одним из таких инструментов в современном обществе стала гендерная культура. Проявление данной проекции, имманентно присущей человеческому сообществу, обусловлено действием со стороны различных факторов и, в первую очередь, таких, которые заостряют внимание на половом диморфизме человека. Важную роль в понимании гендерной культуры и процессов, приводящих к ее формированию, играют мировоззренческие, аксиологические установки. В силу этого философия как знание, которое аккумулирует и осмысливает разнообразные достижения человечества, играет роль основания, на котором происходит построение различных теоретических моделей понимания этого сложного феномена, наиболее рельефно проявившего себя в современных условиях.

Человеческая культура органично связана с природой: она создается человеком, который в соот-

ветствии со своими интересами и потребностями использует ресурсы природы. В то же время культура надстраивается над природой, выводит человека за ее пределы, формирует способности человека к свободному творчеству, к преобразованию природы, общества и себя самого. Тем самым, посредством развертывания творческой деятельности человека культура связывает природу и общество. Присутствие человека в складывающейся системе взаимодействий особое, амбивалентное: он становится не только творцом культуры, но и ее творением. Философия, возникнув в середине первого тысячелетия, во время так называемой первой интеллектуальной революции, в Древней Греции (а на Древнем Востоке в синкретизме с другими формами культуры — и того ранее), сразу заняла ведущую позицию в культуре. Будучи «квинтэссенцией эпохи», философия аккумулирует в себе разнообразные смыслы, выкристаллизуя из них именно те, которые становятся ориентирами развития культуры, оформляясь в виде ее универсалий.

Универсалии представляют собой особые способы фиксации и формы трансляции социокультурного опыта. Универсалии могут быть классифицированы по-разному, в зависимости от того, какие критерии и/или характеристики, функции и т. п. положены в основание этой процедуры. В первом приближении они могут быть, к примеру, подразделены на природно-предметные, отображающие общие характеристики объектов, преобразуемых в деятельности, и социальные. Последние представляют человека как субъекта различных видов деятельности, отражают его позицию относительно различных систем ценностей: эти-

*Доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ.

ческих, эстетических, религиозных, праксеологических. С помощью универсалий осуществляется накопление социокультурного опыта, его фильтрация и передача следующим поколениям. Именно они лежат в основе той картины мира, которая создается культурой, исторической эпохой, они формируют обобщенные программы социальных практик.

В силу того, что универсалии способствуют становлению культуры и закрепляют ее базовые характеристики, их можно сравнивать с генетическим кодом живых организмов и называть «культурно-генетическим кодом» или вслед за К. Дж. Ламсден (C. J. Lumsden) и Э. О. Уилсон (E. O. Wilson) [1] — «культургеном». Понимая всю неоднозначность и условность такого понятия и принимая критичное и осторожное отношение к нему в литературе [2], все же позволю себе использовать его. Однако считаю необходимым подчеркнуть, что прибегаю к нему не в значении «единицы культуры» или «элементарного носителя культуры» как некоторого материального феномена, а как совокупности абстракций, задающих платформу и вектор развития культуры. В то же время универсалии могут быть рассмотрены в качестве методологического инструментария, который позволяет выявлять в культуре различные ее проекции и составляющие.

Длительный период в европейской культуре категория пола не была включена в систему универсалий в явном виде и потому не являлась предметом тщательной философской рефлексии. Положенные в основу культуры универсалии в классической философии представлены в виде ряда бинарных оппозиций, среди которых присутствует также «мужское» и «женское». Однако в рассмотрении данной оппозиции чаще всего имеет место асимметричное ее понимание, выводящее «мужское» на роль доминанты и определяющее «женское» как вторичное, зависимое и в целом второстепенное, а, следовательно, мало-значимое для культуры. Показательны в этом отношении высказывания многих философов, ставшие уже вполне нарицательными. Достаточно вспомнить слова Пифагора: «Есть доброе начало, сотворившее порядок, свет и мужчину, и злое начало, сотворившее хаос, мрак и женщину» или Сократа: «Три вещи можно считать счастьем: что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар, и что ты мужчина, а не женщина».

Тем самым, присутствие в культуре дихотомии «мужского — женского» не побуждало к равнозначному рассмотрению ее полюсов. Как следствие, различные аспекты культуры, так или иначе связанные с полом, разрешались «по умолчанию»

не в пользу феминности, но в пользу маскулинности. В таких условиях гендерная культура не могла сформироваться как вполне самостоятельная. Существовая в латентной форме, она скорее угадывалась или подразумевалась, будучи имманентно присущей любой человеческой общности. Должны были пройти столетия, прежде чем возникло интеллектуальное течение, предпринявшее попытки разобраться во всех хитросплетениях культуры и заговорить от имени Женщины. Таким продуктом классической философии стало появление феминизма в конце XVIII в. и как особого направления в социальной и философской мысли, и как общественного движения. Круг проблем, которые объединяет данный культурный феномен, достаточно велик: по широте охвата различных сторон и аспектов общественной жизни новая традиция не уступает многим классическим концепциям социальности и достойно позиционирует ключевые идеи, словно предвкусывая переход философии в эпоху постклассического развития.

Рассматривая положение женщин, следует учитывать все еще сохраняющийся патриархатный характер большинства современных обществ, и, следовательно, патриархатный характер философии, религии, науки, искусства. В последних как нельзя лучше отражается мужская доминанта культуры: целеустремленность, активизм, сила, власть. Мир культуры сконструирован мужчинами и для мужчин. Женщине здесь отводится роль «инфернального» Другого, медиатора между Культурой и Природой. Мойра Гатенс (Moira Gatens) называет женщину — в концептуальном и буквальном смысле — «мостом» для мужчины между Природой и Культурой, между разумом и телом, между приватной и публичной сферами общественной жизни. Но являясь «мостом», женщина сама не может выйти за рамки Природы в Культуру, из тела к разуму, из приватного в публичное [3].

При рассмотрении проявлений женского в культуре интересна постановка вопроса о статусе гендерных составляющих в культуре в целом и механизмах их формирования. В рамках феминистских и гендерных исследований эта проблема возникает на стыке с культурологической проблематикой и органично проникает в сферу изучения культурогенеза. Ферн Л. Джонсон (Fern L. Johnson), работающая в указанной исследовательской плоскости [4], говорит о двух различных мирах: мужском и женском, — которые существуют, по ее словам, в «драматической отделенности друг от друга». Автор отмечает, что мужчины и женщины живут бок о бок друг с другом, и разделенности в буквальном смысле слова между ними, конечно же, нет. Однако их все же разделяет понимание

и отношение к различным проявлениям действительности. Причем они расходятся далеко не во второстепенных вопросах своего, в том числе совместного, бытия. Тем самым возникает потребность в изучении как мужской, так и женской составляющей в культуре, что можно рассматривать как основание для выделения мужской и женской культур как особого типа образований. В результате культура как система будет включать в себя наряду с подсистемами, выделенными исходя из других оснований (раса, этнос, религия, класс и т. д.), такие подсистемы, как мужская и женская культуры.

Ф. Л. Джонсон указывает на тот факт, что ряд феминистских исследователей гендерной культуры констатируют разделенность мужской и женской культур и далее не вдаются в детали их существования. Другие исследователи в то же время, получив утвердительный ответ на вопрос о том, живут ли мужчины и женщины в разных культурах, задаются вопросом: «Что же представляет собой культурная система женщин?» [5]. И вполне естественным и закономерным становится вопрос о том, как эта культура возникает, формируется и развивается. Ф. Л. Джонсон отмечает, что теоретически аналогичный вопрос можно было бы сформулировать относительно мужской культуры. Но такая постановка вопроса возникает крайне редко в феминистских исследованиях, так как мужская культура носит публичный характер и хорошо «задокументирована» в различных достижениях культуры. Автор пишет: «Мы читаем книги, написанные мужчинами, изучаем их историю (**his(s)tory** в противоположность **herstory** — *Е. И. Янчук*), видим и слышим проявления их артистизма, исследуем, поскольку живем в ней, цивилизацию и общество, которые создали мужчины» [6].

Отношения между культурой и ее различными проявлениями и проекциями могут быть рассмотрены в терминах системной методологии как отношения между системой и иерархически входящими в нее подсистемами. И далее: подсистемы также имеют сложную структуру и их следует понимать как иерархии более высоких порядков. Тем самым культура как система состоит из разного рода подсистем как различных «субкультур» (далее изложение покажет, что в данном контексте термин «субкультура» используется условно, что и объясняет присутствие кавычек. — *Е. И. Янчук*). «Субкультуры», в свою очередь, также могут быть представлены системным образом, и в их недрах также могут быть выделены «субкультуры». При этом каждое из структурных образований, вне зависимости от своего места в культурной иерархии, характеризуется наличием своего особого языка и основанных на нем символиче-

ских практик. К специфическим характеристикам «субкультуры» следует также отнести мир артефактов, который вслед за Ф. Л. Джонсон можно рассматривать как совокупный продукт культуры, который создан, говоря словами Ф. Л. Джонсон, как инструмент репрезентации жизненного опыта в сфере манипуляции различными формами и сущностями (чаще всего представленными феноменами предметно-природной реальности) [7]. И третьей составляющей обсуждаемых параметров «субкультуры» следует назвать совокупность абстракций, в число которых входят различные системы ценностей. В числе последних — моральные, правовые, этические и эстетические, логические, философские и религиозные представления, так или иначе влияющие на людей, носителей той или иной «субкультуры». Опираясь на обозначенную триаду параметров, можно сравнивать «субкультуры» друг с другом и выделять наряду с общими чертами те, которые их различают.

Ф. Л. Джонсон в цитируемой работе ставит также проблему определения статуса женской и мужской составляющих в культуре: можно ли определять их как субкультуры или следует считать культурами [8]. Автор склоняется ко второй точке зрения, и мне близки ее рассуждения. Относительно первой позиции можно сформулировать следующие возражения. Во-первых, если считать мужское и женское субкультурами, то тогда должна быть признана некая культура, гендерно нейтральная по своей сути и в структуру которой входят обозначенные субкультуры. Во-вторых, достаточно сложно представить дальнейшее структурирование субкультур на суб-субкультуры и т. д. А ведь мужская и женская большие социальные группы могут быть в свою очередь структурированы по различным признакам: возраст, раса, этническая принадлежность, класс и т. д. Таким же образом должны быть структурированы и соответствующие культурные образования. Вторая точка зрения означает признание существования **двух культур**, каждая из которых, как отмечалось выше, обладает своими особыми характеристиками в виде языка и разнообразных символических практик, в том числе коммуникативных, своим особым миром артефактов и своими особыми системами ценностей.

К рассмотрению женской культуры можно подходить с разных точек зрения. В рамках одного из направлений феминистской мысли — в культурном феминизме — женская культура признается как существующая исключительно в приватной сфере, в которую входят разнообразные практики, связанные с домашним хозяйством и семьей. Граница между мужской и женской культурами

и, следовательно, между мужчинами и женщинами в этом случае пролегает по линии «публичное — приватное», «работа — дом».

Другая позиция феминистских авторов в понимании женской культуры заключается в том, что женщины в силу своего вторичного и второстепенного положения в обществе вовсе лишены возможности создавать свою собственную культуру. В таком подходе женщины — это подавленная, молчаливая социальная группа, не обладающая ни собственным языком, ни миром артефактов, ни системами ценностей. Женщины вынуждены использовать неестественные, чуждые для них инструменты и прибегать к возможностям, предоставляемым мужской культурой. Зафиксировав отсутствие особой женской культуры, представители данного подхода говорят о настоятельной необходимости ее создания.

Обе позиции являются крайностями. Действительное положение дел представляет некую среднюю ситуацию: «женское» получает возможность в той или иной мере развиваться в приватной сфере, и проблема заключается в поиске механизмов и средств вывода женской культуры в публичную сферу и развития в ней.

Так, в рассмотрении языковых и коммуникативных практик могут быть выделены две концепции, наиболее часто цитируемые в современной феминистской литературе. Это теория «*патриархального пространства дискурса*» («*The Patriarchal Universe of Discourse*») и теория «*приглушенных групп*» («*Muted-Group Theory*»). Первая предложена лингвистом Джулией Пенелоп (Julia Penelope) [9], а вторая — антропологами Эдвином и Ширли Арднерами (Edwin Ardener, Shirley Ardener) [10; 11]. Обе теории работают в плоскости использования языка в коммуникации, исследуют специфическое влияние социальной среды на образцы коммуникативного поведения. Важно подчеркнуть, что язык в теориях оценивается не только как средство коммуникации, фиксации и передачи опыта, но и как средство притеснения и угнетения женщин.

Дж. Пенелоп в своей теории определяет *пространство дискурса* как ряд языковых условий, отражающих конкретное понимание реальности и наделяющих поведение субъекта сводом норм и правил, особенно тех, которые касаются оценки истинности произносимого. Тем самым пространство дискурса привносит в культуру определенные смыслы и заставляет с ними считаться тех, кто использует язык. Патриархальное пространство дискурса как разновидность «фаллологоцентризма» содействует интересам мужчины и ничего не говорит об интересах и потребно-

стях женщин. Женщины вынуждены использовать это языковое пространство за неимением другого, тем самым вовлекаясь в сферу мужской доминанты.

Однако язык — не застывший мир кодов, а живая развивающаяся система. Участие женщин в его употреблении привело к созданию подсистемы кодов, используемых женщинами и репрезентирующих их интерес. Эта подсистема, хоть и производна от мужской, но по ряду признаков специфична именно для женщин и по ее наличию вполне можно определить женскую стратегию в коммуникации. Это, например, более частое использование женщинами невербальных кодов: паралингвистических (паузы, вздохи), просодических (темп, интонации), кинестетических (жесты, техники тела, позы, контакт глаз), а также применение превосходных степеней, языковых штампов, вопросов-утверждений (например, «Сейчас хорошая погода, не так ли?»), более длинных предложений [12].

Однако с точки зрения последователей теории «*патриархального пространства дискурса*» такой системы для разрушения в языке гендерного бинаризма с ярко выраженной мужской доминантой недостаточно. Чери Крамара (Cheris Kramarae) и Паула А. Трейчлер (Paula A. Treichler), а также Сюзет Елжин (Suzette Elgin) считают вполне уместным создание своеобразного феминистского словаря [13; 14]. Цель словаря — в формировании женского (феминного, матриархального) пространства дискурса путем разработки и включения в обиход слов, во-первых, со специфически женским смыслом и, во-вторых, связанных непосредственно с женским жизненным опытом. Так, например, предлагается вместо понятия «maiden name» — «девичья фамилия», меняющаяся при замужестве и демонстрирующая тем самым зависимость от мужского, использовать понятие «birth name» — «имя от рождения».

В теории «*приглушенных групп*» также идет речь о патриархальном пространстве дискурса. Специфика этой теории — в акцентации на подавлении, «приглушении» женского интереса и выражающего его голоса в культуре. Такое молчание женщин, согласно этой теории, приводит к их неспособности красноречиво выразить себя в мужской манере говорения. Авторы теории отмечают, что особенно приглушенность женщин заметна в публичных дискурсах, на которых женщины чувствуют себя менее комфортно, чем мужчины. Женщины гораздо экспрессивнее в частной жизни, чем на виду. И, следовательно, женщинам сложнее коммуницировать. В крайней форме это может выражаться в неявном запрете на коммуникацию. Женщинам приходится свои мысли и чувства пе-

реводить в понятия мужского языка, что связано с двойной работой и с потерей части информации.

В своей работе Ч. Крамара суммировала ряд важных позиций по поводу женской стратегии в коммуникации [15]:

Женский опыт сложнее выразить словами языка, созданного в мужской парадигме. В этом языке просто нет понятий, адекватных женскому опыту. Такое несоответствие языка и опыта требует изобретения специальных языковых средств. Вот ряд примеров: «soul rinse» — дословно: «душа плещется, колышется» — это состояние после крика; «femipotent» — «женское мужество»; «silonuts» — отсутствие реакции со стороны мужчины, молчаливое доминирование; «herstory» — реконструкция истории сквозь призму женского опыта.

Женщинам легче понять мужчину, чем наоборот. Мужчине неведом женский опыт, он его не понимает. Он изолирован от женской системы коммуникативных средств, они ему чужды: ему недоступно иррациональное поле смыслов, продуцируемых женщиной в коммуникации. А вот женщина вполне может овладеть мужской моделью коммуникации.

Женщины создали свои средства, приемы, техники для самовыражения. Это письма, дневники, альтернативные формы искусства, «язык цветов», икебана и другие средства опосредованной, «смягченной» коммуникации.

Состояние дел в повседневной жизни значительно влияет на то, как женщина воспринимает ту или иную ситуацию или событие. Женщины могут много говорить о заботах, проблемах и трудностях. Женщины больше, чем мужчины, уделяют внимания повседневности, разговорам о семье, о детях.

Женский и мужской юмор не совпадают. То, что смешно и забавно для мужчины, может не быть таковым для женщины. И наоборот.

Обозначив существование в современном культурном пространстве двух культур: мужской и женской, — обратимся к проблеме культурогенеза в применении к выделенным типам культур. Современное понимание этого процесса предусматривает взаимодействие и взаимовлияние культур. Культурогенез осуществляется в режиме одновременности и однопространственности существования культур. В таких условиях уникальность каждой культурной формы и системы проявляется через множество связей и отношений с другими формами и системами, а обращенность культур друг к другу есть необходимая процедура их самоидентификации. Становление и развитие культур в таких условиях следует рассматривать как результат двух процессов. Как показал в своих ис-

следованиях Гари Триандис (Harry C. Triandis) [16], с одной стороны, это процесс *диффузии*, а с другой — *аккультурации*. В первом случае подразумевается, что элементы одной культуры проникают в другую и ассимилируются ею. Во втором же случае в процессе взаимодействия культур происходит формирование новых культурных образований (их Г. Триандис называет локальными культурами). Следует отметить, что процесс аккультурации может сопровождаться культурным шоком, особенно в тех случаях, когда коммуницируют культуры с различными ориентациями. В случае с мужской и женской культурами представлены оба механизма, и в процессе их взаимодействия так же, как и во всех других случаях, устанавливается кросс-культурный диалог.

В изучении кросс-культурных взаимодействий большой интерес представляет рассмотрение сложных культурных процессов через призму следующих аспектов: синхрония — диахрония, конвергенция — дивергенция, имика — итика.

Синхроническо-диахронический аспект кросс-культурного исследования сфокусирован, прежде всего, на обращении к универсалиям той или иной культуры. При этом синхронический метод рассматривает различные культуры в режиме одновременности, сосуществующие в одном историческом пространстве, диахронический — культуры различных временных эпох.

Рассмотрение культуры в ее динамическом аспекте характерно для конвергентно-дивергентного подхода, разработанного американским ученым Лоренсом Кинкейдом (Lawrence Kincaid) [17]. По мнению автора, культура представляет собой открытую, постоянно развивающуюся информационную систему, в рамках которой возникают два противоположных по значению, но равных по силе явления — *конвергенция* и *дивергенция*. Первое отражает степень совпадения ценностей и мировоззренческих установок различных культур, обуславливающее их сближение, второе — степень их различия, расхождения. Конвергирующие культуры характеризуются обилием коммуникативных связей, что является важным фактором признания данной культуры.

В основе методологии статического анализа культуры можно назвать два принципа, разработанных и предложенных французским лингвистом К. Л. Пике (K. L. Pike) [18]: *имика (emics)* и *итика (etics)*. Суть первого состоит в выявлении уникальных, специфических для данной культуры элементов, того, что собственно отличает эту культуру от других. Второй же принцип предназначен для нахождения неких общих, универсальных характеристик.

Тем самым указанные подходы позволяют более полно, нелинейно подойти к рассмотрению гендерной культуры, раскрыть глубинные, тонкие механизмы ее формирования и развития.

Список цитированных источников

1. См.: *Lumsden, C. J. Genes, Mind and Culture* / C. J. Lumsden, E. O. Wilson. — Cambridge (Mass.), 1981.
2. См., например: *Чик, Г. Единицы культуры* / Г. Чик // *Общественные науки и современность*. — 2000. — № 2. — С. 111—122.
3. *Gatens, M. The dangers of a women-centered philosophy* / M. Gatens // *The polity reader in gender studies*. — Oxford, 1994. — P. 98.
4. *Johnson, F. L. Women's Culture and Communication: An Analytical Perspective* / Fern L. Johnson // *Beyond Boundaries: Sex and Gender Diversity in Communication* / ed. by Cynthia M. Lont and Sheryl A. Friedley. — Fairfax, 1989. — P. 301—315.
5. *Johnson, Fern L. Ibid.* — P. 303.
6. *Johnson, Fern L. Ibid.* — P. 304.
7. *Johnson, Fern L. Ibid.* — P. 305.
8. *Johnson, Fern L. Ibid.* — P. 309—313.
9. *Penelope, J. Speaking Freely: Unlearning the Lies of the Father's Tongues* / J. Penelope. — New-York, 1990.
10. *Ardener, E. Some Outstanding Problems in the Analysis of Events* / E. Ardener // Paper presented at the Association of Social Anthropologists Decennial Conference, 1973.
11. *Ardener, Sh. Defining Females: The Nature of Women in Society* / Sh. Ardener. — New-York, 1978.
12. *Littlejohn, Stephen W. Theories of Human Communication* / Stephen W. Littlejohn. — Belmont, 1994. — P. 240—241.
13. *Kramarae, Ch. A Feminist Dictionary* / Ch. Kramarae, Paula A. Treichler. — Boston, 1985.
14. *Elgin, S. A First Dictionary and Grammar of Laadam* / S. Elgin. — Madison, 1988.
15. *Kramarae, Ch. Women and Men Speaking: Frameworks for Analysis* / Ch. Kramarae. — Rowley, 1981.
16. *Triandis, Harry C. Culture and Social Behavior* / Harry C. Triandis. — McGraw-Hill, Inc., 1994. — P. 19.
17. *Kincaid, L. The Convergence Theory of Communication, Self-Organization and Cultural Evolution* / L. Kincaid // *Communication Theory: Eastern and Western Perspectives* / ed. by L. Kincaid. — San Diego, 1987.
18. *Pike, K. L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior* / K. L. Pike. — The Hague, 1967.

Дата поступления в редакцию: 25.06.2011 г.